

Миллион / рассказ

Category: Neкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Миллион / рассказ МИЛЛИОН

Это была скромная чета. Муж, письмоводитель министерства, аккуратный и старательный чиновник, добросовестно выполнял свои обязанности. Его звали Леопольд Боннен. Молодой невзрачный человек, он думал обо всем так, как полагалось думать. Получив религиозное воспитание, он, однако, стал менее верующим после того, как Республика начала добиваться отделения церкви от государства. В коридорах министерства Боннен говорил во всеуслышание: «Я религиозен, даже очень религиозен, я верю в бога, но я не клерикал». Прежде всего он стремился прослыть честным человеком и, возглашая об этом, колотил себя в грудь. Действительно, он был честен в общепринятом смысле этого слова: вовремя приходил на службу, вовремя уходил, не слонялся по коридорам и старался быть аккуратным в денежных делах. Женился он на дочери небогатого сослуживца, сестра которого, вышедшая замуж по любви, владела миллионным состоянием и так как была бездетна – что весьма ее огорчало, – то свой капитал могла оставить только племяннице. Это наследство заполняло все помыслы супругов. О нем говорили и дома и во всем министерстве; все знали, что «Боннены получают миллион».

У молодых супругов также не было детей, но они и не стремились их иметь, живя мирно и спокойно, как все порядочные, но ограниченные люди. У них была чистенькая, благоустроенная, тихая квартирка, они были во всем умеренны и скромны; ребенок, казалось им, нарушил бы их жизненный уклад, их уют, их покой. Боннены не прилагали особых стараний, чтобы остаться без потомства, но раз небо не посылало детей – тем лучше.

Тетка-миллионерша была весьма огорчена их бесплодием и давала советы, как добиться рождения ребенка. Сама она некогда безуспешно испробовала множество средств, рекомендованных друзьями или гадалками; с тех пор, как она вышла из возраста,

когда можно иметь детей, ей указали немало других способов, считавшихся вполне надежными. Досадуя, что не может испробовать их на себе, она с тем большим рвением предлагала их племяннице и ее мужу и беспрестанно осведомлялась:

– Ну что, пытались вы сделать так, как я вам советовала?

Тетка умерла. В глубине души супруги почувствовали тайную радость, которую обычно прячут под трауром и от самих себя и от других. Люди облакаются в черное, но душа их трепещет от ликования.

Их уведомили, что завещание находится у нотариуса, и, выйдя из церкви, они поспешили в его контору.

Тетка, верная неотступной мысли, преследовавшей ее всю жизнь, оставила свой миллион их будущему первенцу, с тем чтобы родители пользовались доходами с капитала до самой своей смерти. Если же в течении трех лет у молодых супругов не будет ребенка, весь капитал пойдет в пользу бедных.

Боннены были поражены, убиты. Муж даже заболел и целую неделю не ходил на службу. Поправившись, он решил во что бы то ни стало сделаться отцом.

В течение шести месяцев он так усердно добивался этого, что превратился в тень. Он припоминал теперь все тетушкины средства и добросовестно пускал их в ход, но все было напрасно. Отчаяние вызывало искусственный подъем сил, который чуть не стал для него роковым.

У него развилось малокровие; начали опасаться чахотки. Доктор, с которым он посоветовался, напугал его и заставил вернуться к спокойному образу жизни, даже более спокойному, чем раньше, назначив ему укрепляющий режим.

Веселые слухи поползли по министерству: все знали про неудачу с завещанием и во всех отделах остряли насчет знаменитой «истории с миллионом». Одни давали Боннену шуточные советы, другие нагло предлагали помочь выполнению условия, которое приводило супругов в отчаяние. В особенности дразнил Боннена высокий холостяк, пользовавшийся репутацией заядлого прожигателя жизни и славившийся в канцелярии своими успехами у женщин; он приставал к Боннену с намеками, игривыми шутками и утверждал, что в какие-нибудь двадцать минут обеспечит ему

получение наследства.

Наконец Леопольд Боннен рассердился и однажды, засунув перо за ухо, вскочил и выкрикнул ему прямо в лицо:

– Милостивый государь, вы подлец! Если бы я не уважал себя, то плюнул бы вам в физиономию!

Были выбраны секунданты, и это всполошило все министерство на целых три дня. Секундантов то и дело встречали в коридорах: они обменивались протоколами и сообщали друг другу свою точку зрения на дело. Наконец формулировка извинения была единогласно принята всеми четырьмя уполномоченными, а также обеими заинтересованными сторонами; последние с важностью обменялись поклонами и рукопожатием в присутствии начальника отдела, пробормотав несколько слов в знак извинения.

В течение следующего месяца они раскланивались друг с другом подчеркнуто вежливо и чересчур церемонно, как противники, очутившиеся лицом к лицу. Затем, когда они однажды столкнулись друг с другом на повороте коридора, Боннен осведомился с учтивостью, полной достоинства:

– Надеюсь, сударь, я вас не задел?

Тот ответил:

– Нисколько, сударь!

С этих пор они сочли уместным обмениваться при встречах несколькими словами. Затем мало-помалу перешли на дружескую ногу, привыкли быть вместе, прониклись взаимным уважением, как люди, понявшие, что раньше каждый из них ошибался насчет другого, словом, стали неразлучны.

Но семейная жизнь Леопольда была теперь невыносима. Жена изводила его обидными намеками, мучила колкими замечаниями. А время шло; уже миновал год со дня смерти тетки. Казалось, о наследстве нечего было и думать.

Сядясь за стол, г-жа Боннен говорила:

– Обед у нас неважный. Все было бы иначе, будь мы богаты.

Когда Леопольд уходил на службу, жена замечала, подавая ему палку:

– Если бы у нас было пятьдесят тысяч ливров ренты, тебе не пришлось бы корпеть над своими бумажонками.

Выходя из дому в дождливый день, г-жа Боннен ворчала:

– Будь у нас карета, мне не пришлось бы тащиться по грязи в такую погоду...

Словом, постоянно, по малейшему поводу она упрекала мужа в чем-то постыдном, сваливая на «его одного всю ответственность за потерю наследства.

Наконец, рассердившись, он повел ее к известному врачу. Тот после долгой консультации высказался неопределенно, заявив, что не видит ничего особенного. Такие случаи, по его словам, встречаются довольно часто, тела могут быть столь же различны, как и души; и если многие супруги расходятся из-за несоответствия характеров, то не удивительно, что некоторые в браке не имеют потомства вследствие физического несоответствия. Это открытие обошлось им в сорок франков.

Между супругами началась война, непрерывная, ожесточенная война; они возненавидели друг друга. Г-жа Боннен беспрестанно повторяла:

– Какое несчастье – лишиться богатства из-за того, что вышла замуж за дурака!

Или:

– Подумать только, что если бы я вышла за другого, у меня было бы теперь пятьдесят тысяч ливров ренты!

Или же:

– Бывают люди, которые всем портят жизнь. Они всем в тягость. Обеды и особенно ужины стали невыносимы. Не зная, что делать, Леопольд однажды вечером, опасаясь домашней сцены, привел с собой приятеля, Фредерика Мореля, того самого, с которым чуть не подрался на дуэли. Вскоре Морель стал другом дома; муж и жена внимательно выслушивали его советы.

Оставалось лишь полгода до истечения срока, после которого миллион должен был пойти в пользу бедных. Постепенно Леопольд стал иначе обращаться с женой, сам нападал на нее, часто делал туманные намеки и с таинственным видом заговаривал о том, как жены его сослуживцев помогали мужьям делать карьеру.

Время от времени он рассказывал какую-нибудь историю внезапного повышения в должности того или иного сослуживца.

– Маленький Равино, – говорил он, – целых пять лет был сверхштатным, а теперь назначен помощником начальника отдела.

Г-жа Боннен замечала:

– Конечно, ты бы не сумел так выдвинуться.

Леопольд пожимал плечами.

– Понятно, почему ему повезло больше, чем другим. У него умная жена, только и всего. Она сумела понравиться начальнику и добивается всего, чего хочет. Надо уметь устраивать свои дела, чтобы не стать жертвой обстоятельств.

Что в сущности он хотел сказать? Как она его поняла? Что произошло затем? Они отмечали, каждый в своем календаре, сколько дней осталось до рокового срока. По мере того как шли недели, супруги чувствовали, что ими овладевает бешенство, безумная ярость, неудержимая злоба, такое отчаяние, что они готовы были на преступление, если бы это понадобилось.

Но вот однажды утром г-жа Боннен, с сияющим лицом и блестящими глазами, положив обе руки на плечи мужа, тихо сказала, глядя на него пристально и радостно, взором, проникающим в самую глубь души:

– Я, кажется, беременна!

Сердце у него забило так сильно, что он чуть не упал; он порывисто заключил жену в объятия, страстно расцеловал ее, посадил к себе на колени, снова крепко обнял, словно любимого ребенка, и от волнения разрыдался.

Через два месяца не оставалось уже никаких сомнений. Тогда он повел жену к врачу, чтобы удостовериться в беременности, и с полученным свидетельством явился к нотариусу, у которого хранилось завещание.

Представитель закона объявил, что он согласен отсрочить до конца беременности выполнение воли умершей, так как ребенок существует, хотя еще и не появился на свет.

Родился мальчик, которого они называли Дьедонне, как было принято у королей.

Они стали богаты.

Однажды вечером, когда г-н Боннен вернулся домой и ждал своего приятеля, Фредерика Мореля, жена непринужденно сказала ему:

– Я просила твоего друга Фредерика больше не бывать у нас; он вел себя со мною не совсем почтительно.

Секунду Леопольд смотрел на нее с признательной улыбкой, затем

раскрыл объятия; она прижалась к нему, и они долго-долго целовались, как парочка любящих, нежных, привязанных друг к другу добропорядочных супругов.

И стоит послушать, как г-жа Боннен говорит о женщинах, которые согрешили из-за любви или изменили мужьям в непреодолимом порыве страсти!

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 2 ноября 1882 года под псевдонимом Мофриньёз. Впоследствии Мопассан переработал эту тему в повести «Наследство» (т. III).

Где Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958
Перевод Валентина Дмитриева. Neкаýalar